

Лук

Antlitz

№4, Осень 2010/ 2763 а.н.с /Brumair CCXIX

Г

О

Р

О

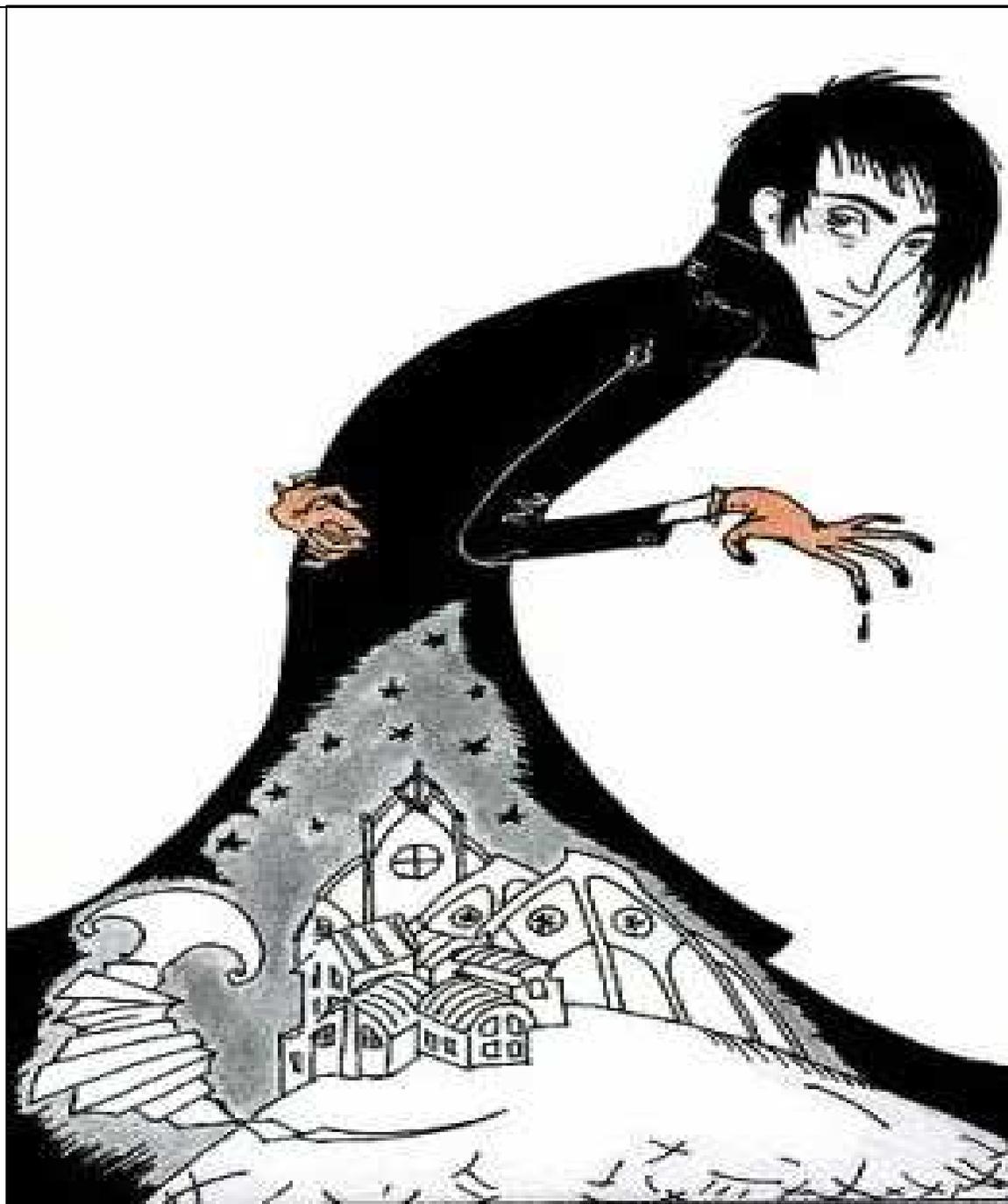
А

С

К

И

Е

Р А К У Р С Д

Легко и непринужденно

Искать из века в век

Кладезь стиха – души поэта.

*Редакция поздравляет авторов и читателей «Лижа» с
победой во Внутрифакультетском конкурсе студенческих СМИ*

(ДВГУ, филологический факультет) в номинации

«Лучшая концепция издания»,

а также с получением грамоты

«За цельность и гармоничность издания»!

Благодарим наших авторов и читателей за содействие!

Редакция «Лижа» приглашает читателей и авторов в группу «Лижа»!

Адрес группы: vkontakte.ru/club20145455

Редакторы: Рада

Бледная тень.

Обложка: Анна Струж.

Авторы иллюстраций: Пелагея Слут, Пикулина Дина, Женя Бел, группа художников, пожелавших остаться неизвестными.

Авторы стихотворений: Алалия, ЮнСочка, Гарольд Латинов, Пелагея Слут, Алиса Саитбаталова, Фригга, Бледная Тень, Дао, Мария Лычковская, Наталья Лапченко, Дарья Яхьева-Снихиловская, Рилла Юрова **Статья:** Анатолий Ларионов.

Ралочки: Оксана Бонь.

Связь с редакцией:

Рада: 8 924 305 32 34; e-mail: radushka_18@mail.ru

Бледная Тень: 8 914 205 75 71; e-mail: seele_in_not@bk.ru

Аллалия, г. Хабаровск

Идеальный мир

А давай создадим идеальный мир?
Там где нет людей, там где нет могил...
Там не будет войн и не будет бед...
Там не будет тьмы... Только свет..

А давай создадим идеальный мир...
Там где нет любви, там где нет обид.
Там не будет чувств, только пустота...
Там не будет нас никогда...

Ну а как же жить без других людей,
Без родных могил тех кого любил?
Как же жить без любви и бед?
Идеальный мир – это бред...

автор – Елена Пискарева

Юнвича, г. Хабаровск

Другое время

Здесь время течет несколько по-другому:
Не дни и минуты, а скорее пути и люди.
Есть время на чай и время встать у порога.
Время «Так было», время «так есть» и время «так будет» -

Смешаны в «заходил, посидел, остался»,
В «скоро придут» и «начнется его имя».
Здесь иногда кажется – сбудется старость.
Здесь никогда глаза не бывают пустыми.

Это секрет ли, пароль, может быть, заклинание,
Что произносят губы помимо воли,
Что бы постичь, что бывает другое знание:
Время – как люди и времена – как дороги.

Гарольд Латинов, г. Цзялусы (Китай)

Вечерние зеркала

Полусумрак этих окон, строгий бархат на плечах,
Недосказанность видений, полускрытых в зеркалах.
В круговерти злой сансары, верно, я её встречал.
Её волосы как пламя, и отныне взор мой ал.
Эти шутки, эти речи, эти блики от свечи,
Эта юная беспечность и исход земной тоски.
В этот вечер всё внезапно, вот ладонь в её руках.
Полусумрак этих окон, строгий бархат на плечах.

Дина Пижуркина

Пелагея Влут, г. Хабаровск

Мыслитель

Глубже взгляд – светлее мысли.
О чем помыслы Твои, мыслитель?
Горящий свет Твоих очей
Озаряет скромную обитель.
О, донна! Что за искры!
Что за пламя тянет в плен!
Мудрец, скажи, не Ты ли
Победил смертельный тлен?
Не Ты ли вел беседы при Луне
С сыном звездочета?
Не Ты ли взял его к себе,
Словами Мастера: «Свободен»?

Автор - Дина Пижуркина

Она назвала его Идеалом.

Не потому, что он таким был.

А потому, что она хотела его таким видеть.

Алиса Саитбаталова, г. Хабаровск

*Постой, не труби, еще пять секунд до рассвета!
Послушай, послушай стук сердца и ржание коней.
Не знавший войны, сегодня в сплетениях света
Тебе предстоит все равно догадаться о ней.*

*Послушай, послушай безмолвие темного леса
И насладись холодной его немотой.
Сегодня впервые шквал пуль – сплошная завеса –
Расстелется пестрым и страшным ковром над тобой!*

*Ты сам онемеешь, оставив все крики для горна.
Ты станешь глухим от скрежета ржавых штыков.
Но слушай пока тишину: она так беспризорна!
А после – затопчут ее сотни твердых шагов.*

*... Ты слышишь, чеканят марш сандалики детские?
(Постой, до рассвета еще пять секунд, не труби!)
Это играют в героев мальчишки соседские.
Они родились вчера, еще до войны...*

автор неизвестен

Автор – Анна Спирьид

Наталья Лапченко,
г. Санкт-Петербург

*Это просто Шопен, просто ночь, просто грустно,
просто пальцев по клавишам медленный бег,
просто вновь возникает забытое чувство,
словно призрак того, чего больше нет.
просто тёмные улицы, жёлтые окна,
на асфальте промокивший из листьев ковёр,
просто город устал и уснул не на долго,
и спокойствие он как покров распростёр.
просто звуки рояля как прежде волнуют,
бесит звук монотонный от стрелок часов,
просто хочется лета, жары, как в июле,
чтобы старые чувства закрыть на засов.
чтоб не путаться в мыслях, не строить иллюзий,
чтобы просто забыть, чтобы просто мечтать,
чтобы просто звучали Шопена ноктюрны,
чтобы просто хотелось чего-нибудь ждать!*

*это просто рояль так звучал одиноко
в эту ночь в октябре, когда город уснул,
и луна отражалась забытая в окнах,
и казалось, что время кто-то вспять повернул.*

Фригга, г. Хабаровск

Я шел, опустив глаза. Мало мне хотелось сейчас видеть знакомые лица, но еще меньше хотелось быть узнанным кем-то. Всеобщая знакомственность – существенный недостаток маленьких городов. Впрочем, в больших еще хуже...

Я шел, глядя на асфальт. Асфальт кричал о боли потери. Город сходил с ума от собственной пустоты. Он был много мудрее своих жителей, город знал, кого теряет. Он был этому городу – своим. Городу – но не людям.

Когда он шел по улице, на него оглядывались. И на долю секунды замирали от невнятного страха. Он был слишком непохож на них – необъяснимо, а оттого особенно заметно, но очень похож на этот город.

Его темные волосы, рассыпанные бархатной волной по плечам, его лишенные блеска глаза, всегда красноватые от бессонницы, тонкое с острыми чертами лицо, вся его фигура казались естественным продолжением этих улиц, серый бетон и красный кирпич служили совершенными декорациями для спектакля его жизни.

Он дышал городом, а город жил музыкой, что вырывалась из-под его тонких пальцев, когда

он касался клавиш фортепиано. Ветер, влетающий в открытое окно, подхватывал и уносил эту торжественную и печальную – музыку его души. Он, сам не понимая того, был голосом города и его душой.

И сейчас город задыхался от тоски, и небо грустило с городом, а он не знал, не думал об этом, и не замечал капель на оконном стекле своего поезда. А ведь он так любил дождь...

Но не до того было – без сожалений навсегда прощался он с городом, и не слышал, как плачет небо. Спешил проститься, не зная, как плачу я – тот, чью жизнь он изменил, сам того не заметив. Он покидал нас – меня и город – навсегда. Уезжал. Мой враг.

автор – Елена Пижикликина

Дочь хозяев города

Посвящается Ангелине –
городской альпинистке,
развоздяйке и
пофигистке...

Рожденная в бетонном лабиринте,
Ты всегда изумлялась несурзости его стен.
Произраставшая среди камней и пыли,
Ты всегда стремилась заглянуть через и поверх него...
Наверно, это даже закономерно,
Что ты – дите систем, норм и правил,
С недоумением смотришь на тех,
Кому они не докучливая родня,
А святыня и не обсуждаемый закон,
Обязательный к исполнению.
Жестко обязательный. Жестоко, я бы сказала.
А родня, к слову сказать, тобой нелюбимая.
Наверно, поэтому ты сбежала из дому?
Чтобы спокойно лазить по крышам,
Городским небоскрегам и тайнам заброшенных руин?
Восходить на максимально доступные верхотуры
И оттуда
Пытаться разглядеть хоть кусочек иной свободы...
Любой свободы вне или внутри.
И наблюдать за суетой внизу, убеждаясь,
Что там свободы нет.

А есть все тот же свод правил,
традиций и условностей.

Глупых, старых, впадающих
иногда в маразм.

Они – твои бабушки,

Объяснившие в детстве суть
мира

И скучно поучающие сейчас.

Не быть как все

Их необязательно слушать.

Они не понимают и не видят того, что за окном.

Зато просто жизненно необходимо

Регулярно сбегать из-под их опеки,

Находить в столь удобной и знакомой тебе системе

Удобный наблюдательный пункт

И бесконечно, час за часом,

Смотреть на остальных и сравнивать,

Сравнивать, сравнивать

Все увиденное.

Всех увиденных между собой,

Ища, где нет свободы и почему.

И пытаясь в противовес всем существующим «не»

Вообразить свою концепцию свободы.

Той, которая не существует,

И, наверное, не может существовать.

Непредусмотренный системой антипод.

Наверное, ты – его единственное в мире воплощение.

Исключение, подтверждающее все.

Интересно, задавалась ли ты когда-нибудь сама

Этими вопросами?

Нет?

Ты никогда не видела ничего другого,

Кроме упорядоченной структуры твоих городов.

Разных, но, каждый по-своему, безликих.

Обезличивающих.

У тебя никогда не было другого примера.

И, что самое страшное,

Его нельзя и не из чего даже придумать.

Поэтому тебе и остается

Лишь лазить по крышам

Маленькой бунтующей девчонкой,

Получившей шикарную привилегию

И быть от этого непонятой, насмешливой и одинокой.

*Любовь к тому или иному городу
обусловлена чувствами, которые в нем пришлось
испытать, а не самим городом.*

Дмитрий Марлен

Кьеркегор и клофелин,

Клофелин и Кьеркегор.

словом за слово цепляясь

завязался разговор... о былом и о грядущем,

о ничтожном и о сущем,

о реальности и снах.

о действительном и мнимом, о невидимом и зримом,

а находчивый идалго,

о словах и о делах.

запасаясь крепкой сталью,

о мирах и черных дырах,

вдруг выводит "каудилью"

об орудиях и лирах и том, как плачет страх...

на желтеющих листьях. и размалывая в крошки

как смеется отлученный,

погрустневшие окошки

и страдает облученный,

ослепляет понемножку

и правитель отреченный, поутру встречает казнь.

солнце спящие дома... смех сменяется стенаньем,

как расстрельная команда

встреча дышит расставаньем,

разукрашивает гранда

одиночество простилось

в ярко-алые тона.

с одиночеством навек. и остались на скрижалях,

павших наземь, и сверстались

буквы в тихие слова Клофелин и Кьеркегор.

Клофелин и Кьеркегор..

Клофелин и Кьеркегор...

заплетается узор,

цветомузыкой и снегом

осчастливлен мертвый взор.

Дао, г. Хабаровск

Ты всегда знал: Карфаген должен быть разрушен. Ты чувствовал касание взгляда шейей.

Я видела руины в твоих глазах.

Этим утром на остановке. Печально. Душно.

Ты стряхивал на асфальт финикийский прах.

Тогда ещё солнце слепило транспорт:

Разговоры пестрили от междометий.

Где-то вдали друг друга любили на спор

Чужие нам бабушки и неродные дети.

Ночные ларьки умывались росой проспекта,

райские открывая врата для грешников.

автобус не ехал, не летела ракета.

Хотелось прикончить хоть одного здешнего.

помнишь, глазела на тебя чрезвычайно жадно,

Потом мы как-то возвращались обратно

Вместе постановочной аллеей,

И я в рукав вцепилась твой, как собака,

узнавшая потерянного хозяина.

Лаяла, скулила, и даже лапа

Вместо ладони царапала нечаянно

Твой полуразрушенный Карфаген.

Люди думали, что мы чем-то бодем:

Нецензурным ли диагнозом стен

или чем-то, существующим в самом деле.

Ты всегда знал: за гранью должно быть больно

Дышать. В голове - засела помеха.

Я всё так подобоострастно помню,

кроме того, куда же тогда ты ехал.

Мария Лычковская,

г. Хабаровск

я не римлянин, не канатоходец -

иначе погиб бы за вас, и, вроде,

месяц уже на исходе, а ночи

всё также длятся и

приметают меня к чужим порогам, и строго смотрят собаки:

бездомье для них не повод

бросаться чужим на плечи,

и холод привычней; речи давно потеряли совесть,

и время - товарный поезд, а

вы влюблены в морскую, и

порт вам милей вокзала...

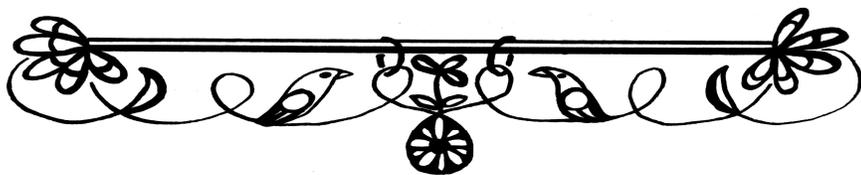
Чикаго, Каир, Оттава...

мне мало воспоминаний...слышите,

мало дела: вы в Мексике или в Вене.

вы просто уставший гений –

купите билет до Рима.

Пелагея Влут, г. Хабаровск

Город

Зыбким утром, по росе
Я босыми ногами пройду.
Забреду в тишину, бесшумно
По ступеням взойду, в тишину.

Откроет мне дверь
Человек-вселенная.
Мой мир – если смотреть
С другой стороны тишины.

В день моего рождения
Он был со мной. Бесшумно
Нес на руках тишину.
А за ним небо высылось весельем.

С большой разницей в возрасте –
Свыше 100 лет – велика ли беда.
Мы под руку тихо пойдём по росе
Тишины, распростершей объятия.

Автор – Дина Пижуклина

Гарольд Латинов, г. Цзялусы (Китай)

Дожди Севера (набросок)

Дождь идёт своим путём,
Уходя в ненасытное завтра.
По сиреневым запахам гор
Мировых нищеты и богатства.

По коре истомившихся рек.
И излучинам северных радуг.
Превращая себя в оберег,
Унося с собой талый осадок.
Мы стремимся за этим дождём
В хороводы лесных привидений.
За надежды, покрытые мхом,
За ограду людских измерений.

Чтобы вызнать ответы у тех,
Кто играет на поле Идавель.
Чтобы видеть предсказанный свет
Сквозь величие древних развалин.

Автор – Дина Пижуклина

Дарья Яхьева-Онхиловская,
г. Хабаровск

Я приду, я вернусь из любого мертвого города:
Будь Чернобыль, Колманскоп ли, Карфаген.
Все равно, что остывшее брюхо его распорото
От разорванных губ ворот и до теплых стен.

Мне ли серую пыль дорог не глотать устало,
Шаг за шагом, глаза озер – два слепых бельма.
Травы сохнут. Жара. Никого – что не так уж мало.
Это так хорошо. Это счастье – идти с ума.

В моем городе – тишина, тишины - до края.
Во всех банках, сосудах, глиняных кувшинах.
Я все думаю, что молчание – символ рая,
Потому что теряюсь в смыслах и именах.

День в разгаре, пропали тени, пропали люди.
Бутерброд до иного мира – и тот протух.
У меня на иссиня-черном жертвенном блюде
Остаются лишь щепоть пепла и легкий пух.

автор неизвестен

Бледная Тень, г. Хабаровск
Мой город

расстрелян картечью
снежной
сардоническим смехом
истерзан
зябким ветром наречий
простужен
чернильной тоской
изувечен
в лабиринте бетонных клеток
в тишине апрельских мелодий
в ломком блеске речных созвездий
в зимних сумерках дней весенних
где тепло - от казенной гильзы
где улыбка - от лунной тени
где утрата - от ранней встречи
где
изломана
строчка
письма
мерным стуком железнодорожных
составов,
что
летят непрерывно сквозь город,
которому имя -
Хабаровск.

Автор неизвестен

Анаталий Ларионов
«Между Сциаллой и Харибдой»
Для кого мы пишем

Господа, Поэты! Для кого мы пишем? Ниже приводимые цитаты взяты из эссе О. Э. Мандельштама о поэзии:

"О собеседнике", "Утро акмеизма", "Разговор о Данте".

"Обыкновенно человек, когда имеет что-нибудь сказать, идет к людям, ищет слушателей; — поэт же наоборот, — бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы». Ненормальность очевидна...Подозрение в безумии падает на поэта. С кем же говорит поэт? Вопрос мучительный и всегда современный. Предположим, что некто... обратил свое внимание исключительно на акустику. Он бросает звук в архитектуру души и, со свойственной ему самовлюбленностью, следит за блужданиями его под сводами чужой психики.

Он учитывает звуковое приращение, происходящее от хорошей акустики, и называет этот расчет магией. Поэт не только музыкант, он же и Страдивариус, великий мастер по фабрикации скрипок, озабоченный вычислением пропорций «коробки» — психики слушателя. В зависимости от этих пропорций — удар смычка или получает царственную полноту, или звучит убого и неуверенно. Но, друзья мои, ведь музыкальная пьеса существует независимо от того, кто ее исполняет, в каком зале и на какой скрипке! Почему же поэт должен быть столь предусмотрителен и заботлив? Где, наконец, тот поставщик живых скрипок для надобностей поэта — слушателей, чья психика равноценна «раковине» работы Страдивариуса?

"Я не знаю мудрости, годной для других..." (К. Бальмонт) Бальмонт оправдывается, как бы извиняется. Непростительно! Недопустимо для поэта! Единственное, чего нельзя простить. Ведь поэзия есть сознание своей правоты. Горе тому, кто утратил это сознание. Он явно потерял точку опоры. Первая строка убивает всё стихотворение.

Поэт сразу определенно заявляет, что мы ему неинтересны: Неожиданно для него, мы платим ему той же монетой: если мы тебе не интересны, и ты нам не интересен. Отказ от «собеседника» красной чертой проходит через поэзию, которую я условно называю бальмонтовской. Нельзя третировать собеседника: непонятый и непризнанный, он жестоко мстит. У него мы ищем санкции, подтверждения нашей правоте. Тем более поэт.

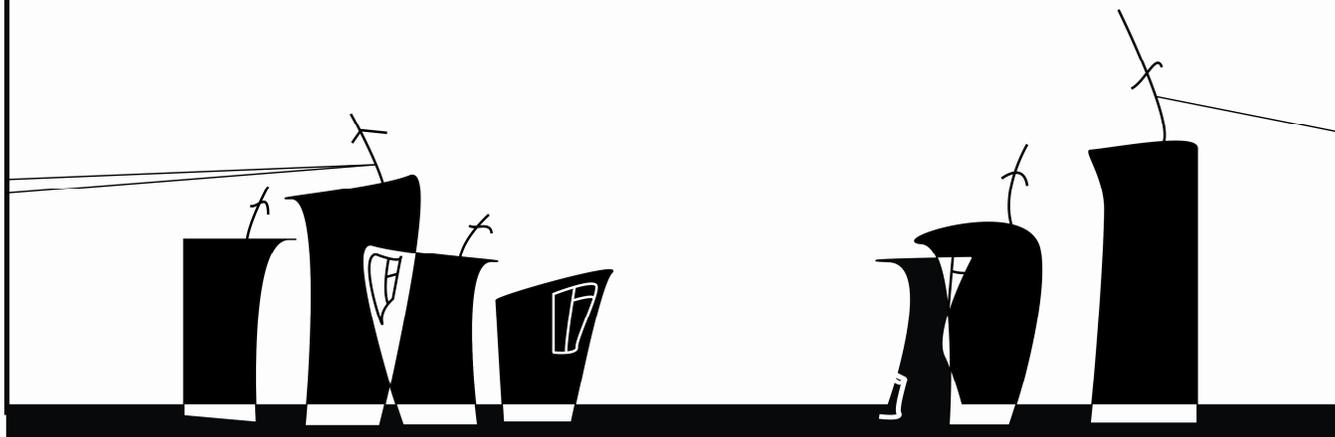
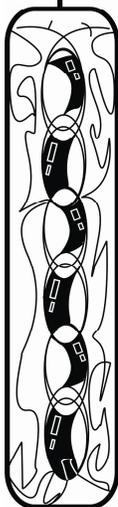
...обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета.

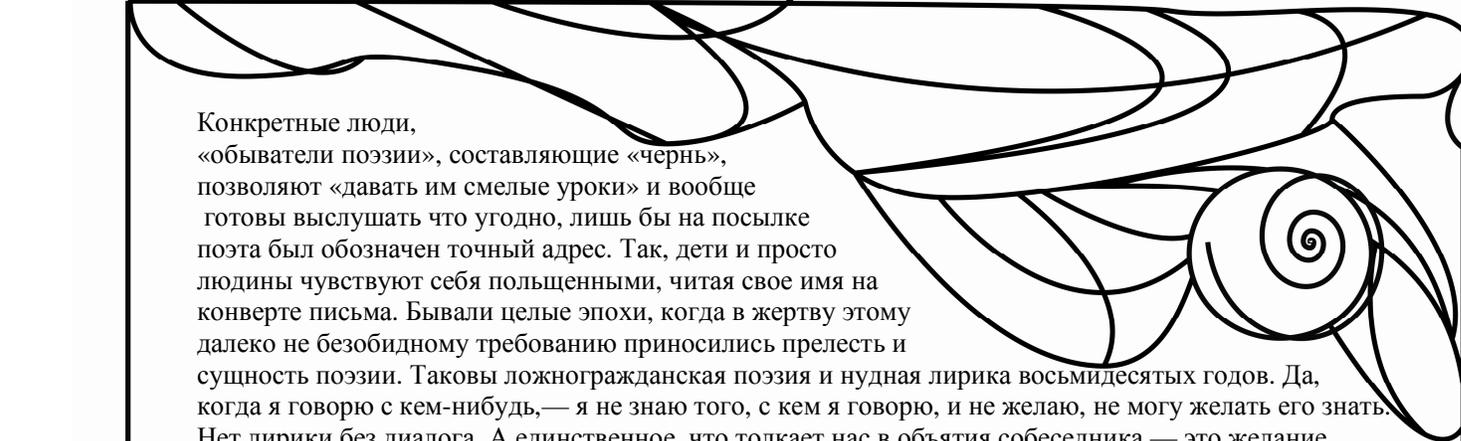
Воздух стиха есть н е о ж и д а н н о е. Обращаясь к известному, мы можем сказать только известное.

Это — властный, неколебимый психологический закон. Страх перед конкретным собеседником, слушателем из «эпохи», ... настойчиво преследовал поэтов во все времена. Чем гениальнее был поэт, тем в более острой форме болел он этим страхом. Что верно по отношению к литератору, сочинителю, абсолютно неприменимо к поэту. Разница между литературой и поэзией следующая: литератор всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи. Даже если он пророчествует, он имеет в виду современника будущего.

Литератор обязан быть «выше», «превосходнее» общества. Поучение — нерв литературы. Поэтому для литератора необходим пьедестал. Другое дело поэзия. Поэт связан только с провиденциальным собеседником. Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него не обязательно. (ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ прил. - 1. Обусловленный волей провидения; предопределенный.)

Отвратителен вид руки, протянутой за подаванием, и ухо, которое насторожилось, чтобы слушать, может расположить к вдохновению кого угодно — оратора, трибуна, литератора — только не поэта...

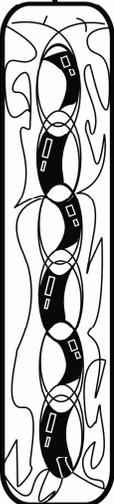

Конкретные люди,
«обыватели поэзии», составляющие «чернь»,
позволяют «давать им смелые уроки» и вообще
готовы выслушать что угодно, лишь бы на посылке
поэта был обозначен точный адрес. Так, дети и просто
людины чувствуют себя польщенными, читая свое имя на
конверте письма. Бывали целые эпохи, когда в жертву этому
далеко не безобидному требованию приносились прелесть и
сущность поэзии. Таковы ложногражданская поэзия и нудная лирика восьмидесятых годов. Да,
когда я говорю с кем-нибудь, — я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать.
Нет лирики без диалога. А единственное, что толкает нас в объятия собеседника, — это желание
удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью. Логика неумолима.

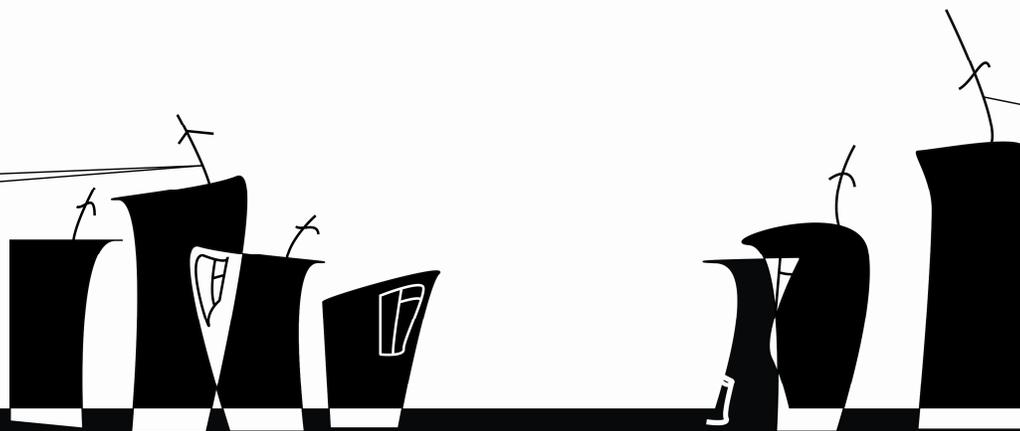
Если я знаю того, с кем я говорю, — я знаю наперед, как отнесется он к тому, что я скажу, — что бы я ни
сказал, а следовательно, мне не удастся изумиться его изумлением, обрадоваться его радостью, полюбить
его любовью. Расстояние разлуки стирает черты милого человека. Только тогда у меня возникает желание
сказать ему то важное, что я не мог сказать, когда владел его обликом во всей его реальной полноте. Я
позволю себе формулировать это наблюдение так: вкус сообщительности обратно пропорционален нашему
реальному знанию о собеседнике и прямо пропорционален стремлению заинтересовать его собой.

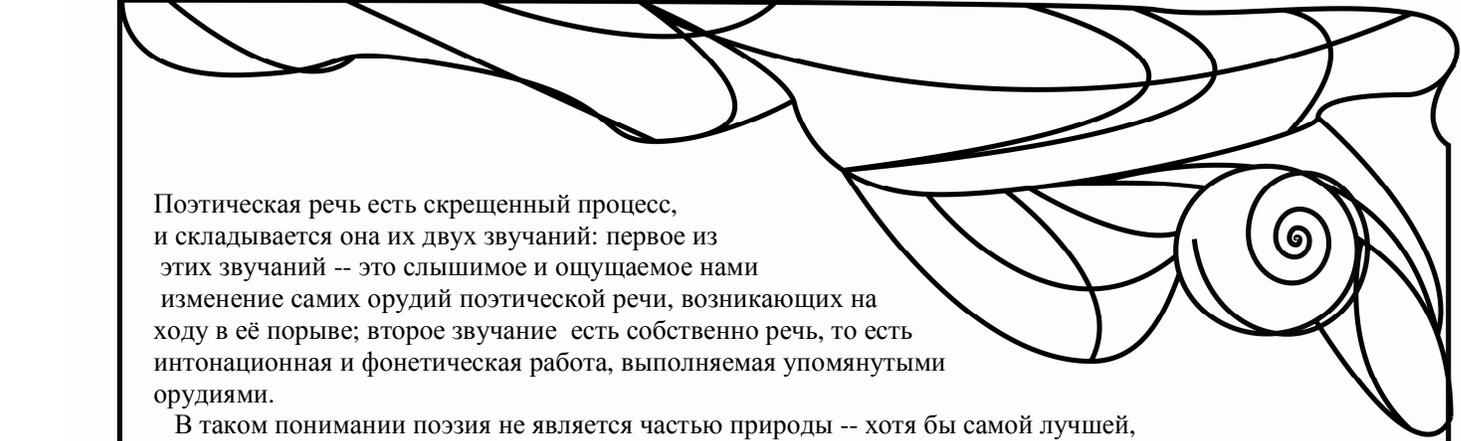
Не об акустике следует заботиться: она придет сама. Скорее о расстоянии. Скучно перешептываться с
соседом. Бесконечно нудно буравить собственную душу. Но обменяться сигналами с Марсом — задача,
достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту. Эти два
превосходных качества поэзии тесно связаны с «огромного размера дистанцией», какая предполагается
между нами и неизвестным другом — собеседником.

Итак, если отдельные стихотворения (в форме посланий или посвящений) и могут обращаться к
конкретным лицам, поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному
адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе. Только
реальность может вызвать к жизни другую реальность. Существовать — высшее самолюбие художника.
Он не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько
усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства. Зрелище
математика, не задумываясь возводящего в квадрат какое-нибудь десятизначное число, наполняет нас
некоторым удивлением. Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в
десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас
относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает. Это реальность в поэзии —
слово как таковое. Сейчас, например, излагая свою мысль по возможности в точной, но отнюдь не
поэтической форме, я говорю, в сущности, сознанием) а не словом. Глухонемые отлично понимают
друг друга, и железнодорожные семафоры выполняют весьма сложное назначение, не прибегая к
помощи слова. Таким образом, если смысл считать содержанием, все остальное, что есть в слове,
приходится считать простым механическим привеском, только затрудняющим быструю передачу мысли.
Медленно рождалось «слово как таковое». Постепенно, один за другим, все элементы слова втягивались в
понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно и произвольно почитается
содержанием. От этого ненужного почета Логос только проигрывает.

Логос требует только равноправия с другими элементами слова. Сознание своей правоты нам дороже
всего в поэзии, и, с презрением отбрасывая бирюльки футуристов, для которых нет высшего наслаждения,
как зацепить вязальной спицей трудное слово, мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как
Себастьян Бах утвердил ее в музыке. Способность удивляться — главная добродетель поэта. Доказывать и
доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника, легко и скучно...

Поэтическая речь есть скрещенный процесс, и складывается она из двух звучаний: первое из этих звучаний -- это слышимое и ощущаемое нами изменение самих орудий поэтической речи, возникающих на ходу в её порыве; второе звучание есть собственно речь, то есть интонационная и фонетическая работа, выполняемая упомянутыми орудиями.

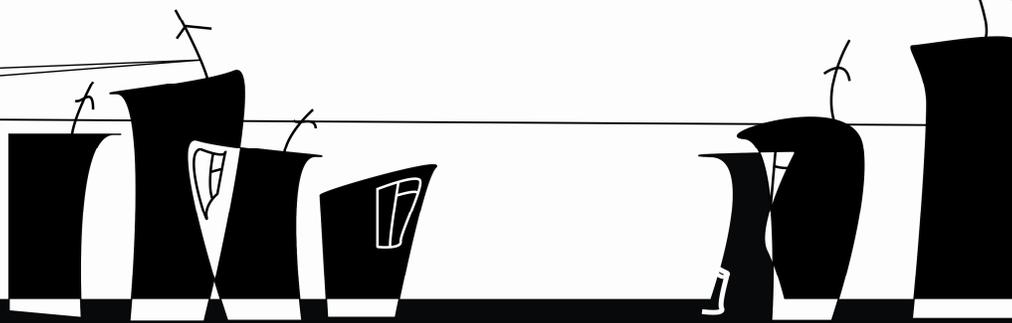
В таком понимании поэзия не является частью природы -- хотя бы самой лучшей, отборной -- и ещё меньше является её отображением, что привело бы к издевательствам над законом тождества, но с потрясающей независимостью водворяется на новом, внепространственном поле действия, не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами.

Поэтическая речь, или мысль, лишь чрезвычайно условно может быть названа звучащей, потому что мы слышим в ней лишь скрещивание двух линий, из которых одна, взятая сама по себе, абсолютно немая, а другая, взятая вне орудийной метаморфозы, лишена всякой значительности и всякого интереса и поддаётся пересказу, что, на мой взгляд, вернейший признак отсутствия поэзии: ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала. Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить".

*Меж датали рожденья и жончины,
-а перед ними наши и мена-
стоит тире, черта, стоит знак «минус».
А в этом знаке мысль заключена.
В ту черточку вместилось все, что было.
А было все! И все сошло, как снег! Исчезло, растворилось
и погубло.
Чел был похож и не похож на всех. Погибло все мое.
И безвозвратно!
Моя любовь, и боль, и лаета. Все это не воротится обратно.
Лишь будет лежду датали черта...*

Э. Рязанов.

Накануне

Моя держава, павший цезарь,
И декаданс, рождённый ей,
Затёрли лозунг "Come Together",
А сколько здесь ещё вождей?

И сколько рук от сердца к небу
Готово вскинутыми быть?
В салюте славы или к хлебу?
Чтоб восхищаться и казнить.

Я знаю, тушью разведённой
Уже подписан договор,
И оттого - войною новой
Мне мил нетронутый простор.

Автор неизвестен

Бледная Тень, г. Хабаровск

Черные перчатки

<i>Дышите глубже.</i>	<i>Убили осень</i>	<i>Растерзали свой голод</i>
<i>И прячьтесь лучше.</i>	<i>Весну распяли</i>	<i>Кроветворные плети.</i>
<i>Перчаток черных</i>	<i>На милость вьюге.</i>	
<i>Как смерти бойтесь.</i>	<i>Лишившись страсти</i>	<i>Волнами курганов</i>
<i>Метель в них свила</i>	<i>Промерзла ярость.</i>	<i>Покрылись степи -</i>
<i>Свою обитель.</i>	<i>Черные стрелы</i>	<i>Папиросный свиток</i>
<i>Заледенели</i>	<i>Вошли в запястья.</i>	<i>Осыпался пеплом.</i>
<i>Души зеркала.</i>	<i>Агонией хлесткой</i>	<i>В немых объятьях</i>
<i>Слова застряли</i>	<i>Вздыбились петли.</i>	<i>Перчаток черных</i>
<i>В простывшей глотке.</i>	<i>Ружейным треском</i>	<i>Истлело время</i>
<i>Искрятся мысли</i>	<i>Осыпались тени.</i>	<i>Задохнулся ветер.</i>
<i>Сияньем снежным.</i>	<i>В ядовитом тумане</i>	
<i>Прокляли лето</i>	<i>Растяли пульсы.</i>	

Алалия, г. Хабаровск

Научиться видеть, для того, чтобы закрывать глаза...
Научиться слышать, чтобы пропускать мимо ушей.
Научиться ходить, для того, чтобы однажды не встать..
Научиться летать, чтобы в пропасть упасть....

Мы из покоя веков, жизнь тратим на всякий бред...
Лучше вообще не жить, если вот так гореть...
Лучше уж не летать и не иметь ушей
Чтобы не падать вниз и не услышать бред.

Ну почему я живу? Зачем это все есть?
Если я не хочу? Не хочу даже петь...
Все ни к ладу здесь - голоса тоже нет..
Песни давно без смысла, объехали свет...

К черту такую жизнь...Лучше гореть в аду...
Там флаги лжи не развиваются на ветру...
Научиться летать, чтоб упасть
Камнем холодным вниз ...
Научиться любить, чтоб страдать.
Научиться петь - чтобы голос терять...
Научиться жить - чтобы умереть

Автор - Анна Спирюк

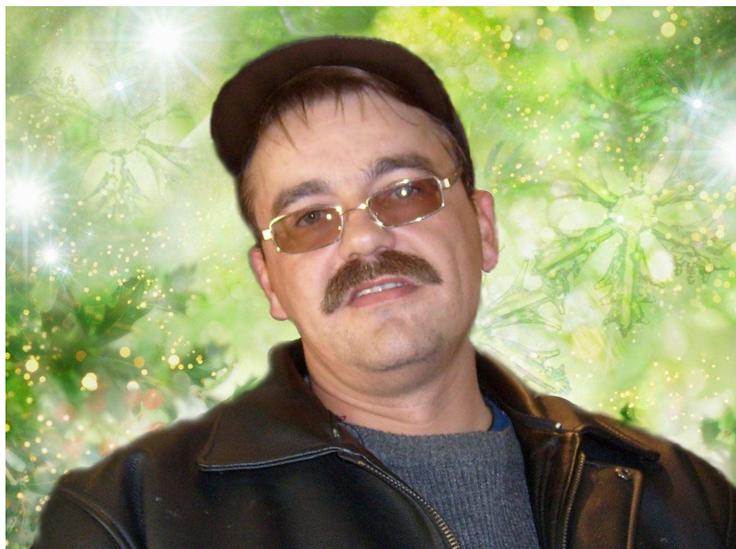
Дарья Серенко, г. Омск

Глазок

Я смотрю на тебя в глазок:
Не решаюсь открыть. Открыться.
Заглянуть бы ещё разок
В улыбающиеся лица,
Чтобы вспомнить, как улыбаться...
Ты меня называешь "зайцем".
Но любовь не совсем трамвай.
Здесь билет покупать - кощунство.
И не только билет. Давай
Ты сойдёшь? Свято место пусто...
Не бывает.
Хотя кто знает?

Немного о наших авторах

Борис Борисович

ПОЛЯКОВ

Родился 2 июня 1973 г. в Челябинской обл. В настоящее время проживаю в небольшом военном городке под Хабаровском, работаю в местной КЭЧ машинистом водонасосных установок. Образование среднее, по специальности – киномеханик.

В периодической печати публикуюсь с 1999 г. Автор трёх поэтических сборников – «Совершенно разные стихи» (2004 г., Воронеж, изд-во МАРЛ), «Стиховидения» (2005 г., Санкт-Петербург, изд-во «Четверг»), «Тем, кто любит» (2007 г., Санкт-Петербург, изд-во «Четверг»), соавтор нескольких коллективных сборников.

Награждён дипломами Пушкинского молодёжного фестиваля «С веком наравне» (2004 г., Москва), Литературного конкурса им. Г.Карпунина (2005 г., Новосибирск), Всероссийского литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» (2006 г.), Международного литературного конкурса «Весь этот мир – как на ладони» (2007 г., Израиль), Литературного конкурса «Добрая Лира» (2008 г., СПб), Третьего международного конкурса русской поэзии в Израиле «Священный вид земли твоей родной» (2008 г., Ашдод, Израиль).

Член РСПЛ – Российского союза профессиональных литераторов.

Фотографические лица авторов

Анна Струк

Наталья Лапченко

Дарья Яхиева-Онихимовская

Амалия

Дина Пикулина

Юн'Очка

Пелагея Омут

Флигга

Гарольд Латинов

Оксана Бонь

Женя Бем

Бледная Тень

Послесловие:

«И хотя никому не внове, что в течение ночи могут
вырасти рога у того, кто, ложась, не илел их в полине,
все же произошедшее с Циппол, царем италийским,
особенно примечательно: последний, следя весь день
с неослабным вниманием за боем быков и видя ночь
напрям в своих сновидениях бычью голову
с большими рогали, кончил тем, что вырастил
их на своей лбуодной силой воображения»

Мишель Монтень «Спыты», Кн. 1, гл. 21.

Стоимость 1 экземпляра 10 рублей